

– The exact portrait of the social group was drawn (so called “collective portrait”).

– The books were based on the similar groups of records from 16–17th cc. Muscovite State.

All the books (like all the research in Muscovite Czardom prosopography) were lack of the same element. All the research in the sphere was not directed to be a part of a research network. The most of the drawbacks were connected with the form of data representation. In spite of the developing to some extent the research methods used by Likhatchev and Veselovskij all the books could not be named the breach of the prosopographical method.

The reason is to my mind the lack of comparative perspective. Shortage of the research by the borders of Muscovite data inevitably followed it to insularity. Meanwhile just the Early Modern time allowed the researcher to operate such records corpus that followed to comparative studies.

Михаил Бенцианов

Екатеринбург

Алексей Лобин

Государственный комплекс «Дворец Конгрессов»

Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в.

Увеличение интереса к военной истории средневековья привело к появлению в последние годы ряда исследовательских работ, посвященных вопросу численности русской армии в XV–XVI вв. В ходе дискуссии была отмечена слабость источниковой базы, заведомые искажения нарративных источников. Как следствие, остается простор для фантазии исследователей при определении «предельной численности выставляемых контингентов».

Сражение под Оршей может быть использовано для воссоздания картины организации русской армии. Первостепенное значение для реконструкции имеют списки пленных. Всего дошло 5 списков, составленных в промежутке между 1518 и 1538 гг. Отдельной группой в них фигурируют пленники битвы под Оршей 1514 г. Четкое разделение по местам пленения было характерно для ранних списков. В реестре 1538 г., где появились новые имена, это правило неоднократно нарушалось.

Сведения реестров дополняются свидетельством белорусско-литовских летописей. В большинстве летописей имена пленников были перечислены в той же последовательности, что говорит об использовании общего первоначального источника. Как видно из комментария, эта статья составлялась на основании официальных данных. Летописный «еестр» отразил наиболее ранние сведения об оршанских пленниках. Это предполо-

Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг.

Применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных письменными источниками. Этим обусловлено то, что просопографические исследования концентрируются в области изучения поздней античности и раннего Нового времени.

В базе данных «Просопография Византийского мира» (англоязычная), в которой собраны (и продолжают собираться) известия о всех персоналиях, упомянутых в византийских текстах за период с 642 по 1261 гг. В этом же ключе следует рассматривать традицию просопографических исследований, сложившуюся в балканских странах — Сербии и, особенно, в Болгарии, где просопографический метод имеет длительную традицию и обширную библиографию¹. Российское антиковедение и византиноведение также оказывалось в круге этой историографии²; не случайно первые учебные пособия по просопографии на русском языке были написаны исследователями поздней античности и истории Византии³. Хорошая разработанность просопографии англо-саксонской знати также связана с тем, что сохранившийся источник конца XI в. — *Domesday Book* — дает обильную информацию по персональной истории последнего периода существования англо-саксонских королевств. Именно этому посвящена вторая крупнейшая открытая база данных «Просопография Англо-Саксонской Англии».

---

¹ *Божилев И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография (1186–1460). 2-е изд. София, 1994.

² Обзоры работ по византийской просопографии публиковались с 1960-х гг. Ср. напр.: *Каждан А. П.* Новые работы по византийской просопографии // Византийский временник. 1968. № 55. С. 254–259; *Байер Х.Ф.Г., Степаненко В.П.* Рец.: Энциклопедический просопографический лексикон византийской истории и цивилизации / Сост. А.Г.Саввидис. Том 1: Амр-Альфиос. Афины: Метрон/Иолкос, 1996. 276 с; // Известия Уральского ГУ. № 7. 1997. Гуманитарные науки. Вып. 1.

³ *Петрова М. С.* Просопография как специальная историческая дисциплина. На примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004; *Чекалова А. А.* Сенаторская знать ранней Византии (спекурс). М., 2000.

Вторым важнейшим источником для современного просопографического исследования общества Московской Руси является исследовательская традиция, заложенная в начале XX столетия Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским. Созданные этими учеными справочники по дьякам и подьячим Московского государства, боярским родам XIV–XVI вв. никогда в историографии не именовались просопографическими, хотя по сути являлись такими.

С конца 1980-х г. достижения европейской историографии начинают проникать на Восток, в российскую науку. Термин «просопография», ранее употреблявшийся лишь историками античности и Византии, с этого времени достаточно прочно входит в употребление российскими учеными. Появляются серьезные работы, посвященные исследованию отдельных социальных групп московского общества, с использованием «просопографической» терминологии («коллективные портреты» и др.⁴).

Делаются и первые попытки осмыслить теоретическую базу просопографии (в первую очередь, в работах Ю. Юмашевой⁵) и подвести первые итоги. Заметное влияние на теоретические разработки в области метода оказала монография Л. Стоуна. Русский перевод его определения «просопографии» использовался (и используется) в значительном числе работ⁶. В известных мне работах, написанных на русском языке, как правило, цитируются именно эти слова Л. Стоуна (со ссылкой на с. 107 в его статье в *Historical Studies Today*); мне бы не хотелось, конечно, предполагать, что эта ссылка «гуляет» из статьи в книгу и т.д. Важно отметить, что предметом исследований Лоуренса Стоуна была английская знать раннего Нового времени; именно исследуя горизонтальные связи в английском обществе XVI–XIX вв. им были созданы классические работы по просопографии.

Хочется остановиться на нескольких работах, так или иначе отражающих важнейшие тенденции развития просопографических исследований в последние годы. Их обозрение и попытка поставить в общий контекст

---

⁴ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI веков. СПб., 2003. С. 232; Нечаева М. Ю. Просопография уральского монашества: перспективы исследования // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17–19 ноября 1994). Екатеринбург, 1995. С.172–176.

⁵ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. № 39 (2005) Гуманитарные науки. Выпуск 10. С. 95–127.

⁶ Stone L. Prosopography // *Historical Studies Today* / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N.Y., 1972. P. 107.

современных просопографических исследований наводит на некоторые размышления.

Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»⁷. Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десяти, в том числе новгородские. Персональный состав приказных служителей Смутного времени продолжает оставаться объектом пристального внимания исследовательницы. В своей работе 2007 г. она ставит вопрос о том, что очень сложно восстановить функционирование приказных изб в начале XVII в. Лишь «чудом уцелевшие документы» позволяют реконструировать систему управления. Возможно, следует поверить Н. В. Рыбалко, что таково положение с сохранностью архивов большинства городов Московского государства, но новгородские материалы такому наблюдению противоречат. Рассматривая новгородскую бюрократию в Смуту, исследовательница оценивает Новгородскую и Смоленскую приказные избы как две самых больших приказных городских изб. Это скорее отражает источниковедческую ситуацию: новгородский и смоленский архивы эпохи Смуты были вывезены (соответственно в Швецию и в Речь Посполитую) и лучше изучены, нежели архивы других крупных городов Смутного времени. Сформулированные в статьях 2006–2008 гг. мысли получили отражение в монографии Н. В. Рыбалко, посвященной исследованию московского приказного люда Смутного времени, в которой аккумулированы данные о дьяках и подьячих этого времени⁸.

В 2009 г. была опубликована книга Д. В. Лисейцева, в которой, несмотря на скромное заявленное название «Приказная система Московского государства в эпоху Смуты», ставится вопрос о генезисе московской приказной системы как таковой и предлагаются принципиально новые, оригинальные его решения. В полной мере это исследование можно назвать просопографическим. Именно этот метод позволил Д. В. Лисейцеву прийти к важнейшим общим выводам о происхождении московских приказов и показать, как эта система эволюционировала в годы Смуты. В исследовании Д. В. Лисейцева содержатся существенная критика работ Н. В. Рыбалко, которая, по мнению автора, пытается «обобщить необобщаемое» и в результате ее подсчетов получается парадоксальная численность московских приказов: при царе Борисе штат приказа Большого дворца (по Рыбалко),

---

⁷ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5.

С. 21–39.

⁸ Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011.

составлял дворецкий, 6 дьяков и всего 3 подьячих, что, разумеется, невозможно⁹. Присоединяясь, в целом, к этой критике, подчеркну, что, с другой стороны, отказ Д. В. Лисейцева от идентификации собственно подьячих также представляется излишне ригористичным.

Книга А. В. Белякова, посвященная служилым Чингисидам была опубликована в 2011 г. в Рязани; книга получила одобрительные рецензии в Российской истории, как специалистов по татарам раннего Нового времени, так и других видных исследователей этой эпохи, в том числе — В. Д. Назарова. В книге, с привлечением огромного фактического материала, исследуются тысячи служебных карьер представителей Чингисидов, служивших Московскому дому. Возможно, книга А. В. Белякова не обладает идеальной структурой (на что обращали внимание многие рецензенты); однако ее прочтение дает самое исчерпывающее представление о выбранной А. В. Беляковым социальной группе.

В 2013 г. была опубликована книга А. Ю. Савосичева «Дьяки и подьячие эпохи Ивана Грозного: происхождение и социальные связи. Опыт просографического исследования».. Центральный вопрос монографии — о происхождении дьяков и подьячих XVI в., их связи с другими группами общества, в первую очередь — с дворянством. Этому вопросу были посвящены опубликованные в недавнем прошлом книги Д. В. Лисейцева (2009) и Н. В. Рыбалко (2011). А. Ю. Савосичев предлагает свой взгляд на данный вопрос. Некоторые сомнения вызывает определение «дворянства» для XVI в. В монографии дана трезвая оценка нашим познавательным возможностям: разумеется, говоря о дворянстве XVI в., мы допускаем серьезное обобщение. В терминологии XVI в. понятие «дворянство» обозначало гораздо более узкую социальную группу, нежели мы сегодня определяем этим термином. В значительной степени давний историографический спор о связи дьяков и подьячих с дворянством малоэффективен. Заметен противоречивый

взгляд А. Ю. Савосичева на данный вопрос. Справедливо упрекнув Д. В. Лисейцева в том, что тот причисляет к «дворянству» конюхов и сытников, упомянутых в списке Государева двора 1573 г., он однако упускает из виду то, что дети таких государевых конюхов и сытников имели шанс (и часто им пользовались) попасть прямо в московские дворяне гораздо больший, нежели представители провинциальных служебных корпораций. Таким образом, противопоставление дьяков, связанных происхождением с такими «конюхами и сытниками» и тех, кто происходил из детей городских

---

⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 451.

детей боярских получает формальный характер и вызывает новые вопросы: продуктивно ли причислять к «дворянству» архиерейских детей боярских, новгородских своеземцев. Несомненно, их местнический потенциал в XVI в. был значительно ниже, чем у рядовых служителей государя. Видимо, вопрос о соотношении друг с другом, «лестнице» разнообразных групп служилого сословия был неясен и людям XVI–XVII вв. Это и привело в XVII столетии к созданию и распространению таких памятников «Поганая книга», «Списки стрелецких голов», иные местнические памфлеты.

Еще один спорный вопрос, который рассматривает автор чрезвычайно подробно, касается брачных стратегий приказных служителей — дьяков и подьячих. Собранная и обсчитанная информация о брачных связях самих приказных и их сыновей, в первую очередь с «дворянскими» фамилиями носит, на мой взгляд, исчерпывающий характер: но только в том случае, если мы согласимся с тем, что именно служебный статус фамилии-партнера имел определяющее значение в таковой брачной стратегии (а скажем не соседский фактор). Неясно, руководствуется ли Савосичев, описывая стратегию семейного устройства детей дьяков, соображениями престижности той или иной службы, имея в виду, что эти соображения могли, скажем, в 1570-е быть одними, а в 1590-е — другими. Сомнение вызывает и еще один тезис автора — о том, что к середине XVII в. «дворянство в социальной среде, питавшей дьячество, отходит на третий план» На мой взгляд, здесь речь идет о своеобразной «инфляции» дьяческого чина, в связи с усложнением центрального и местного управления. Если «перекинуть мост» в начало следующего, XVIII столетия, то число дьяков и вырастающих из дьяков «секретарей» будет вовсе огромным. Параллельно шли изменения и в структуре «дворянства».

Все описанные книги, на мой взгляд, подходят под следующее описание:

- в них использован огромный фактический материал;
- он до какой-то степени систематизирован;
- в них дается довольно точный портрет выбранной социальной группы (вар.: «коллективный портрет»);
- они базируются на однотипных источниках Московского государства XV–XVII вв.

Книгам этим, равно как и в целом исследованиям по просопографии Московского царства не хватает одного и того же. Они не нацелены на то, чтобы стать частью сетевого проекта. Значительная часть недостатков этих книг связана именно с формой подачи материала. Особенно это заметно в тексте А. Ю. Савосичева, где (возможно здесь можно видеть влияние недавней монографии И. Б. Михайловой о служилых людях Северо-Востока,